

Посвящается Джесс

ПРОЛОГ

Морозным зимним утром мерроу заплывла далеко от дома в воды полузабытого острова. Туманная дымка прильнула к её коже, когда русалка вынырнула на поверхность: сначала корона из кораллов и костей, затем — жёлтые глаза, круглые как луны. Бледный шрам протянулся вдоль челюсти.

Мерроу застыла.

На берегу океана стоял мальчик. Она чуяла морскую соль в его крови.

Мерроу облизнула губы.

Хранитель бури.

Она его помнила.

Мальчик стоял с закрытыми глазами, пар клубился от его дыхания. Он протянул руку, пошевелил пальцами над

водой и замер. Затем его тело содрогнулось, словно что-то рвалось наружу из его груди. Он открыл глаза — на лице проступил страх.

Магия.

Мерроу подплыла поближе. Солнце взбиралось на небосвод цвета слоновой кости — скоро берег заполнят островитяне, взревут моторы, витрины вспыхнут, словно фонари. Ей не следует держаться так близко к берегу... так близко к голосу, что звал из глубин. Но она всё равно приплыла — взглянуть на мальчика, пробудившего Морриган от вечного сна.

После всех этих лет он наконец-то явился.

Мальчик застонал, кончики его пальцев заискрились.

— Давай! — Он пнул в воде пучок водорослей. — Давай же, глупец!

Магия, которая не находила выхода.

Мерроу нахмурилась. Время истончалось. Она ощущала тьму за горизонтом; тьма вздымалась, словно морские волны, пробивая дорогу в этот мир. К этому острову. К мальчику. К этому мальчику.

Безмозглый Дагда. Он приведёт нас всех к гибели.

Мальчик подхватил с земли камень и запустил в воздух. Мерроу проследила за его полётом, и её губы дрогнули, когда камень плюхнулся в воду рядом с её головой.

Одно биение сердца, ещё одно — мальчик стряхнул оцепенение и бросился в воду. Он двигался прямо к ней, вода плескалась вокруг лодыжек, коленей, бёдер.

Мерроу помедлила ещё мгновение, но осторожность взяла верх, и она нырнула в набегающую волну — лишь серебристый хвост мелькнул на прощание.

Рано, рассуждала мерроу, погружаясь в морские глубины. *Не сейчас*.

Её воины связаны иной клятвой.

Они подождут. Погибели или Заклинателя волн.

Смотря с чего всё начнётся.

ТИКАЮЩИЕ ЧАСЫ

Финн Бойл лежал на старой ветхой кушетке, пытаясь разбудить себя криком. В глубине души он понимал, что спит, но глаза не открывались, он мог лишь вслушиваться в тихое бормотание в голове, напоминавшее змеиное шипение.

Тик-так, шептал голос. Ты слышишь меня, юный Бойл?

Перед мысленным взором Финна стояла Морриган — её зловещая ухмылка, слишком широкая для худого заострённого лица.

*Тик-так, жди меня,
Тик-так, осталось три дня.*

Она расхохоталась, тень скользнула к нему, запуская пальцы во тьму его разума. *Тик-так, тик-так, тик-так...* Слова захлёбывались в исступлении, голос срывался на визг, смех оборачивался воплем. *Тик-так, тик-так, тик-так.*

Отстань! Финн пытался кричать во сне, но слова застревали в горле.

Тело его словно очутилось в центре торнадо, руки слепо молотили по воздуху, пока он безуспешно пытался прийти в себя. Кушетка скрипела, ржавые пружины ходили ходуном. *Помогите! Она хочет выцарапать мне глаза! Пожалуйста...*

Раздался явственный шлепок.

Финн подскочил, когда что-то холодное скользнуло по его носу.

Он принюхался. Это ведь не...

— Ветчина, — произнёс знакомый голос. — Крошится.

Финн смахнул ломтик с лица.

Дед стоял над ним, синие глаза мерцали в рассветном сумраке.

— Я боялся, ты снова начнёшь буйнить. — В одной руке дед сжимал открытую упаковку ветчины, в другой — кусок ярко-оранжевого сыра. — Решил, ветчина гуманнее.

Финн откинул с лица спутанные волосы. Здороваясь с дедом, он ощутил за грудиной знакомый толчок. Магия Хранителя бури проснулась вместе с ним.

— А нельзя было просто позвать меня по имени, как сделал бы любой нормальный человек? — спросил он со вздохом.

— Когда это я был нормальным? — удивился дед, откусывая от сырного куска. — И потом, я восемь раз звал

тебя по имени, трижды ткнул пальцем и только что потряс за плечо. Следующим логическим шагом...

— ...стала ветчина, — закончил Финн, садясь на кушетке и кладя ломтик на подлокотник.

— Боюсь, что так, малыш. — Дед пристально всмотрелся в него, брови поднялись над роговой оправой. — Что, опять?

— Тик-так, — хмуро кивнул Финн. — Обратный отсчёт.

Морриган поселилась у него в голове вот уже много месяцев назад, но в последние две недели сны с её участием сделались совершенно невыносимыми. Голос, некогда бестелесный и далёкий, перешёл к обратному отсчёту, отовсюду тянулись жадные пальцы, шептали бескровные губы. Морриган обретала силу.

— Обратный отсчёт — дело нешуточное, — сказал дед.

Порыв ветра из щели под окном взвихрился вокруг кушетки. Финн закутался в одеяло. Весь последний месяц зима напознала на остров, выстуживая ветер, воя в щелях. Стёкла покрывались инеем, а если Финн вскакивал посреди ночи, изо рта у него валил пар.

— Почему бы тебе не перебраться в мою спальню? — предложил дед. — Энергия там положительная. А ещё отличный обогреватель, который сдует с тебя носки.

— Всё равно я буду просыпаться, — сказал Финн, вытягивая вверх руки и вертя шеей, пока не раздался характерный щелчок. Ещё летом Финн уступил свою кровать маме, настояв, что будет спать на одолженной Доналом кушетке, которая выглядела так, будто её откопали в доме с привидениями, и пахла безысходностью. Кушетка немилосердно скрипела, и маленькая гостиная выглядела из-за

неё ещё меньше. Впрочем, Финн знал, что, где бы он ни уснул, Морриган всё равно отыщет его.

Он поднялся на ноги.

— Сколько времени?

— Времени? — Дед уже удалился на кухню. — Ты ведь знаешь, я не сторонник этих условных концепций.

Время.

Финн подошёл к свече, горевшей на каминной полке, — единственному живому пламени в комнате, полной свечей. Воск истаявал, свеча уменьшалась, молочно-синяя лужица ширилась. Разумеется, это была не обычная свеча. В сияющем днём и ночью магическом вареве, рождённом морем и кровью, она вобрала в себя его деда со всеми его воспоминаниями и теперь стремительно догорала.

Время. Его дед заимствовал огромное количество времени.

Финну было не по себе. В последние дни ему казалось, что всё как будто ускользает из-под контроля. Часы тикали в ночи, Морриган подбиралась всё ближе, и он ощущал себя диспетчером сбежавшего поезда. Тьма наползала из углов, колдовское тиканье сливалось с его пульсом. Что-то вот-вот случится. Ждать осталось совсем недолго.

Она проснётся, когда мальчик вернётся, радостно общил ему Айвен. Слишком радостно. Она воскреснет, когда Хранитель бури прольёт ради неё кровь.

Финн не проливал кровь ради Морриган, когда она проснулась, но был не в силах снова погрузить её в сон. Из головы никак не шло приключение в Морской пещере прошлым летом. Он едва не потерял сестру, а заодно и себя в непроглядной тьме, где вечно звучал жуткий смех Морриган. Воспоминание набухало, обретало остроту,

и порой, задумавшись, Финн ощущал, как оно колет ему под рёбра.

— Сэндвич? — спросил дед с кухни. — Ветчиной, так и быть, поделюсь, но насчёт остатков горчицы не обес-судь. Зернистая, французская, дорогушая!

— Нет, спасибо. — Финн смотрел на маленькое пла-мя на каминной полке. Признавая его, магия, что содер-жалась внутри свечи, вспыхнула. Он протянул руку над стеклянной подставкой, приказывая пламени станцевать для него.

Давай... ну, давай же...

Финн был Хранителем бури, единственным на острове, кто был избран повелевать стихиями во славу Дагды, на-сколько хватит сил его уму и телу. Единственным, кто мог управлять землёй, ветром, воздухом и огнём, не говоря уж о простой мысли.

Казалось бы, нет ничего проще. Нет ничего естествен-нее.

Финн стиснул зубы и пошевелил пальцами так, как учил его дед. *Давай же.*

Пламя не слушалось.

Кожу на лице начало покалывать.

Вверх, пожелал он. *Танцуй!*

Магия рвалась из груди, магия захлёстывала его.

Со вздохом Финн уронил руку.

Гостиная вокруг вновь обрела привычные очертания, и Финн обнаружил, что дед стоит рядом.

— Она придёт, малыш.

— Прошло уже пять месяцев.

— Может быть, нужен ещё один.

— У меня нет этого месяца!

— Насколько я понимаю, Морриган блефует, — неуверенно промолвил дед. — Забавы ради нервнрует тебя. Хочет забраться к тебе в голову.

— Она уже там, дедушка. Я должен научиться пользоваться своей магией. Сейчас.

Дед вздохнул над сэндвичем.

— Со мной всё было иначе... Мне не требовалось никакой особой концентрации... — Он перевёл взгляд на свечи, которыми были заставлены полки, — магия Хранителя бури, магия, которая собиралась годами. Сварена и разлита по бутылкам. Та самая магия, которая бурлила у Финна в крови. — Ты всегда можешь зажечь любую... — Дед запнулся, заметив его выражение лица.

— В последний раз, когда я пытался использовать магию свечей, меня вырвало, и я потерял сознание, — напомнил ему Финн. — Я переполнен магией. Я просто не знаю, как выпустить её наружу...

Внимание его привлекла книжная полка над дедовым плечом — он изучал её вчера вечером, пересчитывая столбики воска, имя за именем, фитиль за фитилём, пока не уснул. Каждый вечер он дотошно осматривал свечи, словно генерал перед парадом, а его собственная магия шкворчала и бурлила в венах.

С полкой что-то было не так.

Посредине, там, где «ураганы» и «снежные бури» уступали место «закатам» и «рассветам», виднелось крохотное пустое пространство. Между «*Saoirse*», что означало «Свобода», и «*Suaimbneas*», что означало «Мир», отсутствовали «*Весенние ливни 2008 года*».

Сунув ноги в кроссовки и не потрудившись развязать шнурки, Финн в три прыжка пересёк комнату.

Дед смотрел ему вслед, громко чавкая сэндвичем.

— Куда это ты так припустил?

Финн сдёрнул с вешалки куртку и натянул на уши шерстяную шапку.

— Здесь был вор!

— Батюшки! Какой ещё вор?

Финн прищурился.

— Ты отлично знаешь какой. И он тоже знает.

Дед запихал в рот остатки сэндвича, надул щёки, словно рыба иглобрюх, и беспомощно замахал руками, словно спрашивая: разве ты не видишь, что я не могу разговаривать с набитым ртом?

Финн распахнул входную дверь — зима ворвалась в коттедж, ероша чёрные пряди под шапкой.

— Мы ведь договорились их беречь! — выпалил Финн, захлопнул за собой дверь и бросился вниз по садовой дорожке.

Калитка распахнулась перед ним; кусты, без листьев напоминавшие скелеты, на прощание застучали ветками. На небе гряда облаков закрывала восходящее солнце. Финн заметил привычную стаю воронов, которые совершали облёт мыса, прогоняя чаек в море. Ледяной ветер свистел в ушах, заглушая их далёкие крики. Ветер убирал камни с дороги и гнул травы, пока он продвигался вдоль мыса к берегу.

Сначала Финн заметил водоворот. Здесь, на виду у всех, творилась магия Хранителя бури, она словно танцевала у самого берега. Вода закручивалась, морская пена разлеталась по сторонам, будто сливки в чаше миксера. Чем дальше Финн смотрел, тем выше поднималась воронка.

Он перебросил ноги через стену и побежал по песку.

— Эй, а ну прекрати!

Его сестра повернула к нему лицо. Одну руку она простёрла над воронкой, другой сжимала вверх тормашками зажжённую бирюзовую свечу, выгоравшую изнутри.

— Ты что здесь забыл, лузер? — спросила она.

Финн надвигался прямо на неё.

— Сколько раз тебе говорить: нельзя впустую переводить свечи!

— Я *тренируюсь*, — сказала Тара, снова развернувшись к океану. Хвостик, в который она стянула волосы, прыгал у неё за плечами, полы куртки раздувал ветер. — Дед мне разрешил, так что пойди лучше выпей что-нибудь от нервов.

— Это теперь не его дело, а моё! — воскликнул Финн. — Сейчас же задууй!

Смех Тары взмыл в небо.

— Кончай истерить!

— И это говорит девчонка, которая всю ночь держала свечу зажжённой, когда Бартли Бизли укатил на материк?

Тара одарила его испепеляющим взглядом.

— Я уже сказала, что не буду это обсуждать.

Финн дёрнул её за рукав.

Водоворот сник.

— Отцепись от меня! — рявкнула Тара, сбрасывая его руку. — Я пытаюсь сосредоточиться.

— Солнце уже взошло! Тебя кто угодно может увидеть! — Он обернулся через плечо — вдоль мыса брела какая-то старуха. — Смотри, — прошипел он.

— Не будь параноиком, — сказала Тара, не потрудившись оглянуться. — Вечно ты лезешь ко мне со всякими

глупостями. А на самом деле просто боишься, что на острове узнают, насколько я лучше тебя. Меня, между прочим, волны слушаются. А что, если островитяне задумаются, куда подевалась *твоя* хвалёная магия? Почему её никто до сих пор не видел? «То ли дело сестра Хранителя бури! Может, острову следовало выбрать её?» — подумают они. — Губы Тары скривились от удовольствия — она знала, что бьёт по больному. — Мало ли, вдруг они окажутся правы?

— Ничего подобного! — выпалил Финн. — Ты просто идиотка, которая сжирает наши запасы свечей быстрее, чем «скиттас» из пачки! — Он шумно выдохнул. — Будь у тебя в мозгах серого вещества побольше, ты бы поняла!

Тара вздёрнула подбородок.

— У меня в мозгах ого-го сколько серого вещества! Я всегда побеждаю деда в скраббл.

— Так докажи это, — сказал Финн, оглянувшись. Старуха, что брела вдоль мыса, исчезла. — Потуши свечу.

— Ладно. — Тара смяла остатки свечи в кулаке, направив другую руку, простёртую над воронкой, прямо на Финна. В мгновение ока из моря вынырнул водяной столб и обрушился вниз — Финна окатило с головы до пят, ледяная вода намочила ему шапку и потекла вниз по шее, застывая лужицами на песке.

— Доволен? — ухмыльнулась Тара.

Финн в ярости уставился на сестру и процедил сквозь зубы:

— Надо было зарыть под скалой тебя, а не Морриган.

— Попробуй, — Тара припустила назад по песку. — Я вернусь, не пройдёт и недели.